

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ ОТ ОККУПАЦИИ ПОСЛЕ АННУЛИРОВАНИЯ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО ДОГОВОРА

В. А. КРУТАЛЕВИЧ

В истории борьбы народов России за победу и упрочение Советской власти важное место занимает освобождение Украины и Белоруссии от немецкой оккупации зимой 1918/19 г. В исторической литературе данная проблема нередко освещалась весьма упрощенно: сильно преувеличивалось значение военных обстоятельств и недооценивались факторы дипломатические, политические, в частности, немецко-советской революционной солидарности. Недостаточно изучались такие важные вопросы, как организация трудящимися Украины и Белоруссии органов диктатуры пролетариата на еще занятой немецкими войсками территории, революционные процессы, происходившие в среде немецкой армии.

В настоящей статье, которая, разумеется, не может претендовать на исчерпывающее изложение большой, сложной и малоисследованной проблемы, сделана попытка определить основные моменты, характеризовавшие процесс освобождения Белоруссии от немецкой оккупации.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Получив первые сообщения о революции в Германии, об образовании там Советов рабочих и солдатских депутатов, В. И. Ленин немедленно выступил за установление тесной связи с революционными германскими солдатами. В известной телеграмме в Орел 13 ноября 1918 г. В. И. Ленин предложил Губкому партии обратиться к немецким солдатам «с просьбой помочь быстрым и решительным действием освобождению Украины»¹. Вождь Советского государства считал крайне важным, чтобы они приняли участие в восстановлении на Украине Советской власти².

В то же время Советская Россия считала своим интернациональным долгом оказать всемерную помощь германской революции. Установление диктатуры пролетариата в центре Европы было бы новым сильнейшим ударом по фронту империализма. В приветственной телеграмме германским трудящимся VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов (6—9 ноября 1918 г.) выразил готовность Советской страны оказать помощь и поддержку германскому народу. По предписанию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) в Германию было отправлено два эшелона с мукой. Сообщая в Берлин о посылке хлебного груза, председатель ВЦИК Я. М. Свердлов в телеграмме от 13 ноября подчеркивал, что всем местным Советам дано предписание о создании особого фонда помощи рабочим и крестьянам Германии³.

Принимая решение об аннулировании Брест-Литовского договора, Советская Россия призывала германский народ установить с ней самые

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 206.

² См. там же, стр. 206; «Ленинский сборник», XXIV, стр. 51—52.

³ См. Я. М. Свердлов. Избр. произв., т. III, М., 1960, стр. 64.

тесные дружественные отношения. На место империалистического мира, мира насилия и грабежа, павшего, как говорилось в постановлении ВЦИК, под соединенными ударами германских и русских пролетариев, должен был прийти мир между Россией и Германией, основанный на равноправии между народами и уважении права наций на самоопределение. Каждая строка постановления ВЦИК была пронизана духом пролетарского интернационализма, выражала стремление Советской России к сотрудничеству с германским народом, к установлению дружественных межгосударственных отношений.

ВЦИК предложил Германии немедленно приступить к урегулированию вопросов, связанных с ликвидацией Брест-Литовского договора. Важнейшим из них был вопрос о выводе германских войск из оккупированных районов. Советская Россия заявила о своей решимости оказать «полную, до конца идущую поддержку» народам оккупированных национальных районов страны в их борьбе за установление власти рабочих и крестьян. Вновь подтверждалось право этих народов на свободное самоопределение⁴.

Советское правительство стремилось к достижению согласованных действий с германской стороной. «Особое беспокойство вызывает положение в оккупированных областях,— говорилось в радиোগрамме народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина от 14 ноября 1918 г. Советам Германии,— и, чтобы предотвратить кровавые и роковые столкновения между германскими частями и революционно настроенными народными массами на местах, мы непременно должны совместно с берлинскими товарищами тщательно изучить обстановку и наряду с наведением порядка в деле эвакуации этих областей найти средства и пути для достижения взаимного соглашения между германскими солдатскими организациями и революционными организациями народных масс на местах, учитывая наше влияние среди последних»⁵.

Поиски согласованных действий, которые предлагало Советское правительство, требовали усилий обеих сторон. Как известно, незадолго до аннулирования Брестского договора отношения между Советской Россией и кайзеровской Германией резко обострились. В этой связи интересен такой факт. В первый же день работы VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов состоялась беседа В. И. Ленина и Я. М. Свердлова с делегатом съезда, председателем Северо-Западного областного комитета партии А. Ф. Мясниковым. Ввиду угрожающей обстановки А. Ф. Мясникову было предложено срочно выехать в Смоленск⁶.

Командование Западного участка обороны принимало меры на случай возможных провокаций немецкой военщины на демаркационной линии. Войска получили указание подготовиться к обороне «узлы сопротивления». В приказе от 14 ноября начальникам Псковской и 17-й дивизий Ольдерогге и Борзинскому предписывалось представить соображения о действиях войск «на случай наступления немцев». Приказ требовал обратить особое внимание «на охрану важнейших железнодорожных сооружений и подготовку их к уничтожению в случае вынужденного отхода»⁷. Но обстановка очень скоро прояснилась. Уже на следующий день, т. е. 15 ноября 1918 г., в директиве командования Западного района обороны говорилось о возможном в ближайшем времени массовом отходе германских войск с демаркационной линии. Дивизии получили новое задание — наступать. Продвигаясь вперед, они должны были быстро занимать очи-

⁴ См. «Документы внешней политики СССР», т. 1, М., 1957, стр. 565—566.

⁵ Там же, стр. 567.

⁶ См. А. Ф. Мясников. Мои встречи с Лениным. «Коммунист Белоруссии», 1956, № 5, стр. 11.

⁷ ЦГАСА, ф. 201, оп. 3, д. 120, л. 4—6.

щаемую немцами местность, прочно овладевать железнодорожными узлами и административными центрами⁸.

Новые задачи потребовали реорганизации управления войсками. Вместо Западного участка обороны Реввоенсоветом республики была создана Западная армия. Опыт других фронтов указывал на целесообразность этой меры.

От Полевого штаба РВС и непосредственно от Главкома командование Западной армии получило указания о методах и способах освобождения оккупированной территории. В разговоре по прямому проводу с начальником штаба Западной армии Новиковым 25 ноября 1918 г. начальник Полевого штаба РВС Ф. В. Коптяев напоминал: «Мною Вам посланы телеграммы о том, чтобы пункты, находящиеся в оккупированных областях, занимались исключительно путем соглашения с германским командованием и властями, но отнюдь не занимать этих пунктов без их согласия. Необходимо, чтобы штаб Западной армии взял это дело в свои руки». Далее Ф. В. Коптяев требовал не допускать столкновений, а в случае их возникновения добиваться мирного урегулирования⁹. Немецкие власти в Берлине были официально извещены о принципе, который Советская страна хотела бы положить в основу взаимоотношений Красной Армии и немецких вооруженных сил, эвакуировавшихся из оккупированных районов. 27 ноября Г. В. Чичерин сообщил Исполкому Берлинского Совета о том, что советским войскам, следующим за отходящей германской армией, отдан приказ избегать всяких конфликтов с немецкими войсками. Советское правительство и после неоднократно заявляло правительству Германии, что у него нет ни малейшего желания препятствовать эвакуации немецких войск на родину¹⁰. От немецких оккупационных войск требовалось, чтобы они не поддерживали белогвардейских и других контрреволюционных сил и не участвовали на их стороне в борьбе против Советской власти, не грабили и не уничтожали имущества, не разрушали мостов и железнодорожных путей и выполняли достигнутые соглашения по эвакуации.

В сложившихся исторических условиях Советское правительство видело реальные возможности для освобождения захваченных кайзеровской Германией районов на основе соглашений, без вооруженных столкновений, что отвечало как интересам трудящихся Советской страны, так и интересам германского народа, германской революции. Напротив, вооруженные конфликты были на руку немецкой реакции, как огня боявшейся немецко-советской пролетарской солидарности. Империалисты Антанты планировали использовать армию поставленной ими на колени Германии в своих интервенционистских целях. «С 1918 года империалистические державы преследовал страх перед тем, что мирная и демократическая Германия, в которой империалисты лишены власти, могла бы пойти с Советским Союзом,— пишет Вальтер Ульбрихт.— Они боялись, что это в решающей степени определило бы дальнейшее развитие всей Европы»¹¹.

Предложения Советской России об условиях эвакуации германских войск отвечали стремлениям немецких солдат, которым надоела война и которые мечтали скорее вернуться на родину. В оккупационной армии неумолимо шел процесс разложения. Пример русских рабочих и крестьян, совершивших социалистическую революцию, революционизировал немецких солдат.

Распространение революционных идей среди немецкой армии подпольные большевистские организации в Белоруссии рассматривали как

⁸ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 47, л. 203.

⁹ Там же, л. 307—309.

¹⁰ См., напр., «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1958, стр. 36.

¹¹ Вальтер Ульбрихт. Великий Октябрь и Германия. «Правда», 6 августа 1967 г.

одну из важнейших задач¹². Немецкая секция, организованная Северо-Западным областным комитетом, издавала на немецком языке газету, выпускала листовки и воззвания¹³. В связи с революцией в Германии и образованием солдатских Советов условия для пропагандистской и агитационной работы стали более благоприятными. Теперь большевистские агитаторы зачастую открыто выступали перед немецкими солдатами.

Уже в середине ноября 1918 г. немецкое командование официально уведомило советские военные власти, что с 22 ноября оно приступает к очищению местности до р. Березины¹⁴. Начальнику Псковской дивизии Красной Армии, действовавшей в этом районе, было немедленно предписано войти «в сношения с германским командованием и выяснить точно время, порядок и территорию, которая будет освобождена немцами»¹⁵. В приказе от 2 декабря, определяя дальнейшие задачи Псковской дивизии, командование Западной армии требовало, чтобы продвижение подчиненных частей и занятие населенных пунктов производилось только по взаимному соглашению с германским командованием, для чего необходимо было поддерживать с ним тесную непрерывную связь и «отнюдь не вызывать никаких осложнений»¹⁶.

Большое значение для достижения согласованности имели непосредственные переговоры представителей частей Красной Армии и военных Советов¹⁷ с немецкими солдатскими Советами. Так, успешно было достигнуто соглашение об условиях и времени эвакуации немецких войск из Бобруйска. Немцы обязались очистить город 28 ноября. При этом были приняты все требования Бобруйского военного Совета: немедленно освободить политических арестованных, не допускать в городе расширения государственного и иного имущества, не разбирать железнодорожный путь, не уничтожать и не вывозить телефонное и телеграфное оборудование и не позднее 27 ноября впустить в город советскую комиссию для принятия имущества¹⁸. А вот другой пример. 30 ноября комиссия во главе с комиссаром Бобруйского военного Совета прибыла на станцию Осиповичи для ведения переговоров с немецким Советом об условиях очищения станции и местечка. В результате переговоров немецкие войска согласились оставить этот пункт 4 декабря. До прихода советских войск власть в Осиповичах должна была перейти к Совету, состоявшему из представителей рабочих местечка и немецких солдат. Совет должен был решать все спорные вопросы и недоразумения, которые могли возникнуть на почве эвакуации. Немецкие войска могли воспользоваться подвижным железнодорожным составом лишь в размерах, необходимых для вывоза войск¹⁹. Было успешно достигнуто также соглашение об очищении немецкими войсками Жлобина²⁰.

Все это давало основание Политотделу Реввоенсовета Западной армии в телеграмме от 11 декабря 1918 г. сообщить Я. М. Свердлову, что

¹² «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году», сб. док., Минск, 1947, стр. 25.

¹³ См. С. С. Почанин. Партийное подполье в Белоруссии в борьбе за власть Советов в 1918 году. Автореф. докт. дисс., М., 1967, стр. 23.

¹⁴ Там же, ф. 6, оп. 4, д. 47, л. 239.

¹⁵ Там же, л. 241.

¹⁶ ЦГАСА, ф. 201, оп. 3, д. 120, л. 9.

¹⁷ Военные Советы в Белоруссии (Минский, Бобруйский, Молодеченский и др.) были созданы Реввоенсоветом Западной армии как временные чрезвычайные органы государственной власти на освобожденной территории до образования здесь Советов и Революционных комитетов. Подробно о их функциях см. В. А. Круталевич. О Минском военном Совете. Научно-информационный бюллетень. Архивное управление при СМ БССР», 1961, № 11, стр. 9—14.

¹⁸ ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 3—5.

¹⁹ ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 47; д. 6, л. 47—48.

²⁰ «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 597; см. также ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 562, л. 82.

в районе действия 3-й бригады 17-й дивизии прием очищаемых участков производится в контакте с германским Советом²¹.

Хорошие отношения с немецкими частями установились и в районе действия 1-й бригады 17-й дивизии, где по сводке командования от 20 декабря «всякие переговоры и соглашения приводили ко взаимному удивлению»²². Командование Западной армии 28 декабря сообщило Я. М. Свердлову, что дружественные отношения с немецкими солдатами были и в районе действия Псковской дивизии. Здесь были случаи арестов немецкими солдатами своих офицеров, пытавшихся вызвать вооруженное столкновение между немецкими и советскими частями. Происходили встречи немецких солдат с красноармейцами, совместные митинги²³. В сводке Политотдела Западной армии от 6 декабря 1918 г. сообщалось о совместном митинге на станции Зябки Полесской железной дороги представителей 171-го немецкого пехотного полка и частей Красной Армии «по вопросу русско-германской революции». Митинг прошел под знаком крепнущей солидарности немецких и русских трудящихся. В принятой единогласно резолюции подчеркивалось: «Интересы как русских, так и немецких рабочих и крестьян одинаковы. Наш общий враг — капитализм и милитаризм всего мира»²⁴. Представителей немецких солдат приглашали на митинги, которые устраивались в советских частях²⁵.

Немецкие солдаты хотели знать правду о Советской власти, о ее политике. Непосредственное общение с красноармейцами наилучшим образом отвечало этому желанию. Интересный факт приводил в своем донесении (конец декабря 1918 г.) в Политотдел Западной армии комиссар 17-го кавалерийского полка: «Вечером прибыли к нам делегаты от немецких солдат, и долго ознакомили мы их с принципами нашего учения. Под конец нашего свидания они обещали повлиять на командный состав и потребовать немедленной отправки их на родину... Немецкие солдаты высказались, что они с нами сражаться не будут»²⁶.

Разложение немецкой армии усиливалось. В телеграмме командования Западной армии Я. М. Свердлову от 13 декабря, т. е. спустя месяц после аннулирования Брест-Литовского договора, отмечалось, что «отношения между нашими и немецкими солдатами установились самые тесные, что большевизм в немецкие войска проникает все больше и больше»²⁷.

Советское командование делало все, чтобы добросовестно соблюдать условия соглашения, не дать повода к вооруженным столкновениям. В этом же духе проводилась и разъяснительная работа среди красноармейцев²⁸.

За месяц наступления, к середине декабря 1918 г., Западная армия продвинулась далеко вперед и вышла на линию западнее Дриссы (ныне Верхнедвинск), Вилейки, Молодечно, Минска и Слуцка. Теперь уже перед войсками стояла задача продолжать наступление на Митаву — Поневеж — Вильно — Лиду — Барановичи — Пинск — Мозырь — Гомель²⁹.

²¹ «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году», стр. 186.

²² Там же, стр. 189.

²³ Там же, стр. 187; 193; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 562, л. 82а; д. 563, л. 156, 160; ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 58.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 131, л. 11.

²⁵ ЦГАСА, ф. 201, оп. 3, д. 1611, л. 53.

²⁶ ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 4, л. 105.

²⁷ «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году», стр. 188.

²⁸ Командир 152-го стрелкового полка в докладе Минскому военному Совету в начале января 1919 г. сообщал, например, о таком факте. В одну из деревень в районе Барановичей заехали советские разведчики. Находившиеся здесь немецкие солдаты, бросив оружие, бежали в Барановичи. «Взятые разведчиками пулемет, винтовки и лошадь, — писал командир полка, — я приказал возвратить, что и было исполнено» (ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 265).

²⁹ ЦГАСА, ф. 201, оп. 3, д. 120, л. 23—26.

С освобождением Минска стало возможным поставить вопрос о провозглашении Белорусской Советской Республики. 1 января 1919 г. явилось днем рождения национальной государственности белорусского народа.

ИСТОЧНИКИ КОНФЛИКТОВ

Успешному ходу эвакуации немецкой армии пытались помешать реакционные силы Германии и стран Антанты. В сообщении высшему командованию на Востоке 16 ноября 1918 г. начальник Генерального штаба Гренер указывал, что быстрое очищение всех оккупированных территорий «не соответствует национальным и хозяйственным интересам Германии»³⁰. Германские правящие круги надеялись снискать милость победителей — империалистов Антанты, которые в своих интервенционистских планах важную роль отводили немецким армиям.

Известно, что уже в соглашении о перемирии между Германией и ее победителями содержалось обязательство, согласно которому германские войска могли оставить захваченные ими области на Востоке только тогда, когда это будет признано необходимым союзниками.

Надеясь использовать германские войска в качестве жандарма — душеителя Советской республики, империалисты Антанты активно выступали против всякого сближения Германии и Советской России. В одной из телеграмм военному министерству верховное германское командование подчеркивало, что «Антанта не раз самым категорическим образом требовала от нас не сотрудничать на Востоке с большевиками, и мы неоднократно заверяли ее в том, что случаи подобного сотрудничества могут иметь место только вопреки приказам верховного командования»³¹.

Германские империалисты охотно шли на антисоветский сговор с империалистами Антанты. Весьма примечательна в этом отношении телеграмма Гинденбурга от 13 декабря 1918 г. прусскому военному министерству. В ней указывалось на возможность военных действий на Востоке в течение ближайших месяцев и что в случае необходимости должны быть привлечены и войска Антанты, ближайший путь на Восток для которых лежит через Германию³².

Затягивая очищение оккупированных областей, германское верховное командование стремилось также вывезти побольше советского имущества, военного снаряжения, оружия, боеприпасов³³. Кроме того, задерживая отход войск, немецкое командование тем самым содействовало формированию в оккупированных районах белогвардейских банд для борьбы с Красной Армией. В Белоруссии местной буржуазии и помещикам не удалось, как, например, в Литве и на Украине, сколотить вооруженные силы. Полностью провалилась затея белорусских буржуазных националистов сформировать так называемое «белорусское войско». Генерал Кондратович, военный лидер белорусских националистов, так и остался генералом без армии. Ставка делалась на белопольские легионы. Уже в декабре 1918 г. легионеры заняли белорусский город Брест, концентрируя силы в этом районе³⁴. Немецкое командование оказывало поддержку контрреволюционным бандам, предоставляло им вооружение и снаряжение.

Взрывы мостов, разрушение железнодорожного полотна и т. д. немецкое командование обычно мотивировало угрозой внезапного наступ-

³⁰ См. G. Rosenfeld. Sowjetrussland und Deutschland, 1917—1922, Berlin, 1960, S. 183.

³¹ См. «Октябрьская революция и Германия. Протоколы научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 года», М., 1960, стр. 440.

³² См. G. Rosenfeld. Op. cit., S. 183.

³³ См., напр., ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 240.

³⁴ «Из истории гражданской войны в СССР», т. 1, М., 1961, стр. 68.

ления Красной Армии. В действительности это была лишь отговорка. На деле ставилась цель замедлить продвижение советских войск, помешать успешному закреплению их на новых рубежах. Важно отметить при этом, что инициатива уничтожения мостов, железнодорожных сооружений и т. д. шла не от командования противостоящих Западной армии немецких частей, а от высших германских властей. Так, были произведены разрушения на железных дорогах Ковельского, Брест-Литовского и Белостокского направлений³⁵.

Соглашения с советским командованием иногда вероломно нарушались. В политсводке Западной армии от 24 января 1919 г. сообщалось, например: «На переговорах перед занятием Слонима немцы обещали оставить все в порядке, но после отхода последнего эшелона сожгли железнодорожное депо, взорвали один мост, а другой пришлось защищать с оружием в руках. При защите моста немцами было убито двое мирных граждан и один ранен, а также ранен один красноармеец»³⁶.

Немецкая реакционная военщина вдохновляла уходящие войска на грабежи, уничтожение государственного и частного имущества. В Борисове немецкие войска угоняли скот, отнимали у крестьян зерно, транспортные средства, разграбили оборудование госпиталей. В результате грабежа населения возник конфликт в Минске. По распоряжению Минского военного Совета часть немецких войск была разоружена³⁷. В ноте от 18 декабря 1918 г. народный комиссар по иностранным делам РСФСР отмечал, что «ограбление минского населения достигало таких размеров, что как само население, так и имевшиеся на месте русские железнодорожники не могли не реагировать на него, и надо, наоборот, удивляться, что их ответ на такого рода действия не был более решительным»³⁸.

Германское правительство пыталось оправдать грабежи ссылками на так называемое «право военной добычи». Советское правительство предупреждало германское командование, что подобные действия могут привести к тяжелым последствиям, чрезвычайно затруднить возвращение германских солдат на родину³⁹.

Для пресечения разного рода бесчинств со стороны немецкой армии использовались разнообразные формы давления и воздействия: железнодорожные забастовки, предъявление ультиматумов, военное вмешательство, протесты по дипломатическим каналам, агитационная работа среди немецких солдат. Командование Западной армии обращало особое внимание на сохранение телеграфного и телефонного имущества, которое прежде всего пыталось уничтожить, увезти, распродать немецкое командование⁴⁰. В Минске, например, оборудование телефонной станции и телеграфные аппараты отходящими войсками «разрушались ломом, топорами, самым варварским способом»⁴¹.

Провокаторская политика реакционной немецкой военщины, вдохновляемая и направляемая буржуазным правительством, была главной причиной конфликтов и столкновений между германскими и советскими войсками⁴². Одним из таких наиболее крупных конфликтов были события в Полесье.

³⁵ Там же, стр. 694.

³⁶ ЦГАСА, ф. 201, оп. 2, д. 423, л. 357.

³⁷ Там же, оп. 3, д. 1611, л. 53.

³⁸ «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 619.

³⁹ Там же, стр. 600, 601, 619; ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 46.

⁴⁰ ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 4, л. 71.

⁴¹ Там же, ф. 809, оп. 1, д. 45, л. 5—6.

⁴² В широком плане политика немецкого правительства в отношении Советской России в этот период обстоятельно показана в работах И. К. Коблякова («От Бреста до Рапалло»), А. Нордена («Между Берлином и Москвой»), Г. Розенфельда. Указ. соч.

Советское командование исключительно большое значение придавало освобождению Гомеля. Крупный город и железнодорожный узел, связанный магистралью с Речицей, Луниным, Пинском и Брестом, он занимал ключевые позиции. Чтобы освободить юг Белоруссии, нужно было завладеть железнодорожной линией Гомель—Брест. Учитывалось и другое важное обстоятельство. Для успешного продвижения сил Западной армии в центре Белоруссии необходимо было обеспечить их безопасность на левом фланге. «Нависая» с тыла от Гомеля—Речицы, немецкие войска создавали угрозу 17-й дивизии.

Уже с приближением советских войск к Гомелю немецкое командование и украинские националистические банды начали проявлять заметное беспокойство. Чтобы помешать продвижению частей Красной Армии, у ст. Костюковка был разобран железнодорожный путь⁴³.

Главнокомандующий И. И. Вацетис дал директиву добиваться освобождения Гомеля на основе договоренности с немцами⁴⁴. Но переговоры затягивались. И пока договаривались об очищении Гомеля, удалось достичь соглашения об условиях занятия железнодорожного участка Речица—Лунинец, т. е. территории, лежащей западнее Гомеля. Немецкие войска к 1 декабря 1918 г. должны были очистить территорию к северу от железной дороги Речица—Лунинец, оставляя за собою временно полосу шириной в 10 верст. В Речицу, Мозырь, Калинковичи, Лунинец разрешался въезд советских представителей «для организации Советской власти». При этом немцы обязались сохранять нейтралитет, не вмешиваться в борьбу политических сил в этом районе и немедленно освободить политических заключенных. Советская сторона могла приступить к исправлению железной дороги и телеграфа от Жлобина до ст. Калинковичи, куда допускались пассажирские поезда и разрешался въезд граждан без оружия⁴⁵.

Немцы пригласили советских представителей прибыть 2 декабря в Речицу, Мозырь и другие города «для приветствия свершившейся революции в Германии»⁴⁶. В донесении Полевому штабу РВС начальник штаба Западной армии высказывал предположение, что «через самое непродолжительное время удастся убедить немцев допустить в упомянутые пункты небольшие части, которые будут помогать немцам при продвижении эшелонами по линии»⁴⁷.

В это время усилилась борьба повстанцев против украинских националистических войск. Особенно большого накала она достигла в Речицком и Мозырском уездах. В одной из политсводок Западной армии говорилось, например, что «Речица обложена повстанцами, немецкие солдаты идут навстречу повстанцам»⁴⁸.

Наконец, с немецким дивизионным Советом в Мозыре удалось заключить соглашение, в силу которого участок железной дороги Калинковичи—Мозырь—Лунинец 17 декабря должен был быть занят советскими войсками. Немецкие части оставались там до получения возможности выехать. Власть передавалась Советам и ревкомам.

Вскоре удалось договориться и о Гомеле.

По условиям достигнутого в ночь с 18 на 19 декабря 1918 г. соглашения между представителями советской стороны и Исполкомом солдатского Совета в Гомеле немецкое командование должно было передать власть в городе организованному большевиками в ходе освобождения

⁴³ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 47, л. 246—247; д. 36, л. 31—35.

⁴⁴ Там же, д. 47, л. 307—309.

⁴⁵ Там же, д. 36, л. 17—19.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, ф. 201, оп. 3, д. 16, 11, л. 53.

тельной борьбы Революционному комитету и впустить в город отряд красноармейцев в 500 человек. Командование Западной армии гарантировало немецким войскам беспрепятственное возвращение на родину и всяческое содействие их эвакуации⁴⁹.

В Гомель, Мозырь и другие города были незамедлительно введены подразделения 17-й дивизии. Ликующее население восторженно приветствовало советские войска. Дружественные отношения у красноармейцев были и с немецкими солдатами. «На улицах происходит братанье красноармейцев с немцами-солдатами,— говорится в одном из обзоров печати тех дней о событиях в Мозыре. — Наши красноармейцы остались без значков, так как эти значки отбирают у них немцы и прикрепляют их к своим фуражкам. Сегодня освобождено 30 человек политических. На митинге принята резолюция и приветствие вождю всемирного пролетариата товарищу Ленину»⁵⁰.

Однако Гомельский немецкий Совет под давлением Большого Совета в Киеве и высшего командования вероломно нарушил достигнутое соглашение. «Никоим образом не допустим договор 20-й, 35-й, 47-й германских дивизий с большевиками,— говорилось в телеграмме главного германского командования Гомельскому немецкому Совету.— Сегодня отправляется в Гомель поезд с войсками Директории. С их помощью немецкие войска должны очистить Гомель и железную дорогу от большевиков. Дивизии подлежат очистить город и предотвратить наступление советских войск. Советам солдатских депутатов необходимо принять меры в целях защиты единственного пути возвращения на родину»⁵¹. Немецкое командование в ультимативной форме потребовало вывода советских войск из Мозыря, Калинковичей, Речицы и Лунинца, грозясь вместе с петлюровцами перейти в наступление⁵². Немецкие силы во много раз превосходили небольшие воинские отряды, введенные в вышеуказанные пункты. В Речице, Калинковичах и Лунинце было лишь по роте красноармейцев, в Мозыре — один батальон. Между тем по данным разведки в районе Полесья насчитывалось более 30 тыс. немецких солдат⁵³. Советским войскам пришлось временно отступить.

Обстановка в Полесье осложнялась еще и тем, что здесь действовали банды украинских националистов, которые в борьбе с Красной Армией искали поддержки немецкого командования. Между петлюровцами и повстанческими коммунистическими отрядами происходили ожесточенные схватки.

Срыв немецкой стороной достигнутого соглашения тяжело отразился на положении повстанческих войск. Повстанцы, ведущие тяжелые кровопролитные бои с петлюровцами в районе Сарны, не смогли получить непосредственной военной помощи от Красной Армии. Отход советских войск отразился и на их моральном состоянии⁵⁴. Захватив Сарны, петлюровцы теснили голодных, раздетых и разутых повстанцев на север к Лунинцу. В донесении от 30 декабря командир одного из батальонов сообщил Минскому военному Совету: «Положение коммунистических полков в Видеборе, с которыми я связался, весьма критическое. Петлюровцы со значительными силами и броневым поездом преследуют коммунистические полки, быстро приближаются к Лунинцу»⁵⁵.

После срыва Гомельского соглашения борьба за быстрое освобождение Полесья не прекратилась. Гомельские железнодорожники на вероломство немецкого командования ответили забастовкой. Через не-

⁴⁹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 36, л. 104—105; ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 129.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 4, д. 59, л. 68.

⁵¹ «Известия», 31 декабря 1918 г.

⁵² ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 121.

⁵³ Там же, л. 153—163.

⁵⁴ ЦГАСА, ф. 201, оп. 2, д. 423, л. 357.

⁵⁵ ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 10, л. 12.

которое время железнодорожная забастовка охватила весь участок от Гомеля до Калинковичей. В знак протеста против помощи петлюровцам и увоза в Германию советского имущества бастовали железнодорожники Лунинца⁵⁶. Забастовка железнодорожников ставила оккупационные войска в весьма затруднительное положение. Давление на них оказывали и Красная Армия, партизанские и повстанческие силы. Партизанское движение в Белоруссии, выросшее к осени 1918 г. в большую силу, причиняло много беспокойств командованию X армии Фалькенхайна.

Реакционная политика обострения германо-советских отношений встречала противодействие революционных сил германской армии. Борьба между революционными и контрреволюционными силами шла и в самих солдатских Советах⁵⁷. Это отмечали представители советской стороны, ведущие переговоры об эвакуации. Так, в донесении командования 3-й бригады Минскому военному Совету в конце декабря 1918 г. сообщалось, что в немецкой армии «резко разделяются два течения — большевики и меньшевики», что сразу видно, «кто Шейдеман, а кто Либкнехт»⁵⁸.

Задержки в эвакуации вызывали раздражение и недовольство солдатской массы. «Среди немецкого гарнизона в местечке Замирье сильное волнение», — сообщал 20 декабря командованию 17-й стрелковой дивизии комиссар 152-го стрелкового полка⁵⁹. Солдаты гарнизона требовали немедленной отправки на родину. На большом митинге, состоявшемся в Калинковичах, ораторы осуждали нападение на Советскую Россию, а генерала, который выступил с заявлением, что немецкие войска по требованию Антанты должны оставаться в России до февраля, солдаты стянули с трибуны. Митинг закончился избиением офицеров, с которых были сорваны погоны и кокарды⁶⁰. «Немцы нетерпеливо ожидают отправки на родину, ...солдаты неудержимо стремятся домой», — так характеризовалось политотделом Западной армии настроение солдат немецкой армии в телеграммах Я. М. Свердлову в конце декабря 1918 г.⁶¹

Неодолимая стихийная тяга немецких солдат к возвращению домой заставила конференцию Советов солдатских депутатов Восточного фронта высказаться за немедленную эвакуацию, за соглашения с советскими властями. В телеграмме, посланной в Берлин Центральным Советом Восточного фронта, подчеркивалось, что войска «не намерены больше оставаться в оккупированной области ради каких бы то ни было политических соображений»⁶².

В этой связи представляют интерес свидетельства, исходящие от представителей враждебного нам лагеря. Вот впечатления польского военного атташе в Берне О. Гурки, знавшего о фактах разложения немецкой армии. В памятной записке, адресованной командующему польскими войсками во Франции генералу Ю. Галле, он сообщил 7 февраля 1919 г.: «Центром германских сил на востоке является 10-я армия под командованием ген. Фалькенхайна, штаб которой находится в Гродно. Следует, однако, заметить, что сама эта армия находится в безнадежном состоянии и сочувствует русским большевикам, а солдатский Совет,

⁵⁶ Там же, д. 7, л. 58.

⁵⁷ В одной из сводок командования Западной армии отмечалось, например, что на заседании солдатского дивизионного Совета в Минске «в своих речах немецкие ораторы приветствовали русскую революцию, говоря, что только большевики-коммунисты являются истинными защитниками интересов рабочего класса, и обещали знакомить своих товарищей-солдат с идеями коммунизма; далее высказывались, что русская революция тесно связана с немецкой, обещали нам поддержку» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 563, л. 15а).

⁵⁸ ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 47.

⁵⁹ Там же, д. 4, л. 124.

⁶⁰ «Бальшавік Беларусі», 1946, № 10, стр. 36.

⁶¹ «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году», стр. 182—183.

⁶² «Октябрьская революция и Германия», стр. 441.

во главе которого стоит законченный спартаковец Верле, всегда готов к услугам русских большевиков»⁶³.

В начале января 1919 г. Лунинецкий дивизионный немецкий солдатский Совет принял советские условия об эвакуации. Вся немецкая дивизия, расположенная от Калинковичей до Лунинца, должна была эвакуироваться не позже 7 января 1919 г. Еще до полной эвакуации дивизии через железнодорожную станцию Лунинец во всех направлениях разрешалась перевозка повстанческих и красноармейских войск. Соглашением предусматривалось создание совместных русско-германских комиссий для приема оставленного германскими войсками военного и другого имущества, а также для контроля за германскими эшелонами в целях борьбы со спекулятивным провозом товаров⁶⁴.

Решительная позиция, занятая Лунинецким дивизионным Советом, не могла не оказать влияния на скорейшее достижение соглашений в других пунктах железной дороги Гомель — Лунинец. Было достигнуто новое соглашение о Гомеле, заключенное вопреки протестам штаба корпуса и главного командования. 12 января части Красной Армии вошли в Гомель, Мозырь, Речицу, Калинковичи⁶⁵.

В январе немецкие войска очистили Полесье от Гомеля до Лунинца. Еще до окончания эвакуации немецкое командование согласилось пропускать советские войска из Белоруссии на Украину через Калинковичи на Коростень и через Гомель на Бахмач. В результате стало возможным объединить боевые действия частей 17-й дивизии с украинскими советскими частями, наступающими на Чернигов — Круты в целях освобождения от войск Директории столицы Советской Украины — Киева⁶⁶.

Правда, реакционные силы в немецкой армии, спровоцировавшие конфликт в Гомеле и обострившие хорошо развивавшиеся до этого отношения между немецкими и советскими войсками, продолжали чинить препятствия освобождению юга Белоруссии. 22 января немецкий эшелон, следовавший через Пинск, спас от полного разгрома петлюровцев. Опираясь на численное превосходство, немецкое командование потребовало выдачи пленных петлюровцев и разоружило красноармейцев и повстанцев⁶⁷. Произошло столкновение железнодорожников и немецких войск в Лунинце. Советские войска вынуждены были разоружить немецкий гарнизон в Дудичах⁶⁸.

Наступление буржуазии на завоевания трудящихся в самой Германии, разгул белого террора воодушевляли контрреволюционные силы в армиях Восточного фронта. Этим надо объяснить более «твердый» тон немецкого командования, участвовавшие конфликты советских и немецких войск в январе — феврале 1919 г. Так называемое «Распоряжение о временном регулировании командной власти и положении солдатских Советов», принятое 19 января шейдемановским правительством, вооружало реакционное офицерство «законными» средствами борьбы против солдатских Советов, узаконивало всевластие офицерского корпуса⁶⁹.

Однако, несмотря на отдельные конфликты, в сравнительно короткий срок Полесье было освобождено от оккупации без серьезных военных действий.

⁶³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II, ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г., М., 1964, стр. 90.

⁶⁴ ЦГАОР БССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 74—76.

⁶⁵ Там же, л. 241.

⁶⁶ «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году», М., 1942, стр. 221, 226.

⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 3, д. 573, л. 5.

⁶⁸ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 40.

⁶⁹ С. И. Ленчер. Берлинский Совет в период мартовских революционных боев 1919 года в Берлине. «Германское рабочее движение в новейшее время». Сб. статей и материалов, М., 1962, стр. 11—12.

Активное содействие освобождению Белоруссии от оккупации оказывали боевые революционные органы, созданные трудящимися в тылу немецких войск. Большевистские подпольные организации, действовавшие на оккупированной территории Белоруссии, ставили своей конечной целью восстановление диктатуры пролетариата. В связи с аннулированием Брест-Литовского договора, еще до прихода Красной Армии, они принимали меры к созданию органов революционной власти. Чаще всего это были Революционные комитеты, которые в зависимости от обстановки действовали открыто или подпольно. Для оказания помощи подпольным большевистским организациям Северо-Западный областной комитет РКП(б), находившийся в Смоленске, посылал в тыл немецких войск коммунистов.

Создание трудящимися под руководством большевистских организаций революционных органов власти на занятой немецкими войсками территории Белоруссии было частым явлением. Полесье было районом, где наиболее широко проявилась деятельность революционных комитетов как органов восстания в тылу немецких войск. Здесь под руководством созданного осенью 1918 г. Революционного Военного Совета повстанческих коммунистических войск Белоруссии и Запада Украины действовали многочисленные партизанские и повстанческие отряды. В конце декабря при Реввоенсовете был организован Полесский ревком, руководивший волостными и местечковыми ревкомами.

Особенно активную борьбу вел Гомельский революционный комитет. Руководимый большевиками, он был организатором гомельских рабочих в их борьбе против местных контрреволюционных сил, против оккупации. Упорное сопротивление восстановлению Советской власти в Гомеле пытались оказать меньшевики, бундовцы и другие соглашательские партии⁷⁰. Созданная ими после падения гетмановской власти так называемая Директория была признана немецким командованием органом власти в городе.

В борьбе росли авторитет Ревкома, его влияние среди трудящихся. Состоявшаяся 18 декабря 1918 г. рабочая конференция, вопреки стараниям соглашателей, высказалась за скорейшее восстановление Советской власти в Гомеле. Рабочие города встретили поддержку и сочувствие революционных немецких солдат. На одном из заседаний большого Совета 41-го резервного корпуса 238 делегатов, т. е. чуть ли не половина всего Совета, решительно высказались против вмешательства немецкой армии во внутреннюю политическую борьбу в городе, против поддержки контрреволюционных сил⁷¹.

Энергичная деятельность Гомельского ревкома была одним из важных обстоятельств, вынудивших солдатский Совет 41-го корпуса заключить соглашение с советскими представителями об освобождении Гомеля. Когда немецкая военщина сорвала соглашение и началось преследование революционных сил, Ревком ушел в подполье и еще более решительно повел борьбу за освобождение города.

К приходу Красной Армии партийными организациями были созданы революционные комитеты в большинстве волостей Бобруйского уезда. Ревкомы опирались на силу вооруженных отрядов. За неделю до ухода немецких войск большевики-подпольщики организовали Ревком в Бра-slave. Еще в условиях оккупации начал функционировать как орган власти Слуцкий Ревком. Активно действовал в тылу немцев Временный революционный комитет в местечке Городец Рогачевского уезда. Подпольным Ревкомом была взята власть в Быхове⁷². На железнодорожных

⁷⁰ «Кастрычнік на Беларусі. Зборнік дакументаў і успамінаў», Мінск, 1927, стр. 224—225.

⁷¹ Там же, стр. 222.

⁷² ЦГАСА, ф. 478, оп. 1, д. 33, л. 67; «Звезда», 5 и 7 декабря 1918 г.

станциях рабочими и служащими создавались железнодорожные ревкомы.

Известны случаи избрания трудящимися Советов еще в условиях оккупации. Так, Минский Совет рабочих депутатов объявил себя единственным органом власти в городе еще за неделю до ухода немецких войск. Большинство в Исполкоме Совета принадлежало коммунистам⁷³. Город Гродно с 1915 г. был оккупирован немецкими войсками. Однако и здесь, в глубоком немецком тылу, в сложной политической обстановке в декабре 1918 г. и в начале января 1919 г. состоялись выборы в городской Совет рабочих депутатов. Впоследствии Совет был разогнан белопольскими legionерами⁷⁴.

В ряде мест избранные органы власти назывались исполкомами, комитетами и т. д. Когда организатор Минского военного Совета прибыл 15 декабря в местечко Изаславль, то там уже был орган власти — Временный исполнительный комитет, избранный под руководством коммунистов до ухода немецких войск.

Организованные на оккупированной территории органы диктатуры пролетариата (революционные комитеты, Советы, исполкомы и др.) содействовали продвижению вперед частей Красной Армии, препятствовали вывозу оккупационными войсками и бежавшими с ними помещиками и буржуазией народного имущества, пресекали попытки эсеров, меньшевиков, разного рода националистических организаций захватить власть после ухода немецких войск. В своей деятельности Ревкомы, Советы, исполкомы опирались на активную поддержку населения, на боевую силу дружин и партизанских отрядов.

Выдающуюся роль в освобождении Белоруссии, восстановлении Советской власти и оказании помощи Красной Армии сыграли железнодорожные ревкомы. «Благодаря усилиям железнодорожных ревкомов, действовавших в подполье, — говорилось в приказе Минского военного Совета от 19 декабря 1918 г. — усилиям железнодорожных рабочих, которые нередко рисковали своей жизнью, было сохранено значительное количество паровозов, вагонов и железнодорожного имущества, которое пытались угнать и увезти оккупанты, сохранено много мостов. Железнодорожники поддерживали связь с частями Красной Армии и всеми мерами содействовали ее продвижению вперед»⁷⁵.

Организация Советов и ревкомов на оккупированной территории свидетельствовала о величайшей притягательной силе Советского государства, которое несло белорусскому народу избавление от иностранного ига и буржуазно-помещичьей кабалы, национальную независимость и свободу. Красноармейцы встречали дружественное отношение к себе белорусского населения. В них видели освободителя, друга и брата. В военных донесениях постоянно отмечалось это важное политическое обстоятельство. «Встреча гражданами Бобруйска красноармейцев была самая восторженная, — говорилось в донесении командира 2-й бригады 17-й стрелковой дивизии Васильева в штаб Западной армии от 29 ноября 1918 г., — весь город разукрасился флагами, и на улицах находились граждане от мала до велика». В другом донесении сообщалось, что население встречало войска 3-й бригады «с большим восторгом». «Среди населения чувствуется большой подъем. Всюду восторженно встречают Красную Армию...» — так было охарактеризовано настроение жителей Белоруссии командованием Западной армии в донесении Полевому штабу Реввоенсовета республики⁷⁶.

⁷³ Подробно об этом см. В. А. Круталевич. «Гісторыя аднаго ленинскага дакумента», «Полымя», 1967, № 8, стр. 184—190.

⁷⁴ См. «Гродно. Исторический очерк», Минск, 1960, стр. 53—54.

⁷⁵ «Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 г. — июнь 1920 г.)», сб. док. и материалов, Минск, 1961, стр. 62.

⁷⁶ ЦГАСА, ф. 201, оп. 3, д. 123, л. 68, оп. 2, д. 419, л. 320; ф. 6, оп. 4, д. 36, л. 33.

В начале февраля 1919 г. оккупированными оставались лишь несколько белорусских уездов. Поэтому I Всебелорусский съезд Советов с полным правом мог заявить, что он «выражает волю более девяноста процентов всего белорусского народа, отныне свободно и самостоятельно решающего свою судьбу»⁷⁷.

Из крупных населенных пунктов оккупированными оставались Брест, Гродно, Пружаны, Волковыск. Но их освободить не удалось. Правительство буржуазно-помещичьей Польши лихорадочно готовило войско для вторжения в пределы Белоруссии. 5 февраля 1919 г. было подписано германо-польское соглашение, предусматривавшее смену немецких войск польскими. Германская сторона взяла на себя обязательство «охранять от большевизма» занимаемые на 3 февраля 1919 г. германскими войсками районы и «подавлять в вышеуказанных районах все местные большевистские движения и вообще не допускать и не терпеть никаких большевистских организаций»⁷⁸.

Во второй половине февраля белопольские легионы, вооруженные и оснащенные Антантой, перешли к активным военным действиям. Переломной датой следует считать 18 февраля, когда сильный польский отряд в составе более 2 тыс. человек пехоты и кавалерии, сопровождаемый бронепоездом, выбил советские войска из Дрогичина (65 км западнее Пинска) и занял Иваново⁷⁹. Наступательные операции в это время были предприняты и в других направлениях. 2 марта польские отряды захватили Слоним, 6 марта — Пинск, а затем стали угрожать Барановичам, Лиде. Начался новый очень напряженный этап в истории борьбы белорусского народа против иностранных захватчиков.

* * *

Сохранившиеся архивные материалы, опубликованные документы дают возможность проследить ход освобождения Белоруссии от оккупации во всей его сложности и противоречивости. Правительство Советской России, Коммунистическая партия не только не стремились к военному конфликту с Германией после аннулирования Брест-Литовского договора, но, напротив, делали все, чтобы установить дружественные отношения с ней, укрепить революционную солидарность немецкого и советского народов.

Вместе с трудящимися всей советской страны приветствовали германскую революцию рабочие и крестьяне Белоруссии. Резолюции митингов и собраний, проходивших в городах и селах Белоруссии, выражали чувства пролетарской солидарности с трудящимися Германии. «Да здравствуют германские рабочие, высоко поднявшие красное знамя революции против своих хищников-помещиков!» — говорилось, например, в резолюции собрания крестьян Кубличской волости Лепельского уезда⁸⁰.

Проявлением пролетарской солидарности было создание в Белоруссии хлебных фондов в помощь германским рабочим⁸¹. Гневно протестовали трудящиеся Белоруссии против злодейского убийства наемниками буржуазии Карла Либкнехта и Розы Люксембург. В связи с убийством вождей германского пролетариата Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии объявило 22 января 1919 г. «днем общего траура»⁸².

⁷⁷ «Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии», Минск, 1954, стр. 456.

⁷⁸ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II, стр. 86.

⁷⁹ ЦГАСА, ф. 201, оп. 3, д. 192, л. 52—53.

⁸⁰ «Известия Лепельского уездного Совета», 11 января 1919 г.

⁸¹ «Комитеты бедноты Белоруссии», сб. док. и материалов, Минск, 1958, стр. 144.

⁸² ЦГАОР БССР, ф. 809, оп. I, д. 24, л. 116.

Столкнуться в военном конфликте революционную Германию и Советскую Россию было выгодно странам Антанты, планировавшим использовать германскую армию для удушения первого в мире социалистического государства.

В отчете VII съезду Советов, состоявшемуся в начале декабря 1919 г., Народный Комиссариат иностранных дел РСФСР писал: «Столкновения на Восточном фронте с советскими войсками были искусственно вызваны германским контрреволюционным офицерством. Всякий раз, когда нам удавалось устранить средостение контрреволюционного германского командования и входить в непосредственный контакт с немецкими солдатами, с последними устанавливались самые дружественные отношения, передача нам очищаемых местностей происходила вполне мирно и очень часто у самих германских масс обнаруживалось вполне спартаковское настроение»⁸³.

Весь ход событий показал правильность политики Советского правительства по мирному освобождению оккупированных Германией советских районов. Это позволило усилить вооруженные силы и материальные средства Южного, а также Восточного и Северного фронтов. Сравнительно небольшие силы Красной Армии, поддерживаемые партизанами и населением, в суровых зимних условиях прошли сотни километров, освободив почти всю территорию Белоруссии. Красная Армия выполнила свою освободительную миссию, придя на помощь белорусскому народу, который героически боролся против оккупации, за восстановление Советской власти, за национальную свободу.

⁸³ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 614.